Ташауз 24/IV 38

Здравствуйте, дорогие!

Вы правы, когда сетуете на нашу неаккуратность в письмах. Наши пожелания — писать еженедельно, остаются втуне. Что сделаешь, если по крайней мере на 50% жизнь „устраивает тебя", а не ты устраиваешь жизнь"? И если 3 года тому назад жизнь нас так устроила, что все 24 часа в сутки были совершенно „свободны" — и писать можно было регулярно, то сейчас не хватает нескольких часов в сутках для самых необходимых личных надобностей, а для чтения, писем etc, остаются минуты, но не часы.

Буду отвечать на ваше последнее письмо от 23/III. Посылочку с нотами, книгами и струнами мы получили недавно, о чем успели уже сообщить вам в прошлом письме. За всё это большое вам спасибо. В нотах и струнах вы, не по своей вине, маленько промахнулись: „la" вам всучили недоброкачественную, она фальшивит (откуда-же вам знать, которая фальшивая а которая — наоборот? А в нотах — вы приобрели дубликат „Элегии" Эрнста, который уже раз мне присылали. Однако остальные струны и концерт Берио — не фальшивят... Спасибо, дорогие!

Кстати о нотах: Катенька нарочно разгневалась и обозвала меня тем-то и сем-то (опускаю из скромности): я не хуже ее консерватории знаю, что вокальные ноты, написанные в скрипичном ключе, можно играть на скрипке, и „даже на рояли". Дело только в том, что игра на инструменте по вокальным нотам, без предварительной аранжировки, равносильна... ну, хотя-бы тому, когда чужое платье одеваешь на себя, не перекроив его: одежда, как одежда, — однако, опытному глазу сразу видно, что в плечах узко, рукава коротки, а воротник съехал на бок.

Если она хочет деталей, то я ей скажу (для проверки у тех-же консерваторок): вокальная музыка пишется нотами такой [illegible] продолжительности, которая диктуется требованиями языковой фонетики (продолжительностью слогов, ударениями и т.д.), по мере возможност

МЕМОРИАЛ

75
об

нотами одной и той-же (или близкой) продолжительности. При богатстве оттенков самого „инструмента" — человеческого голоса — эта бедность конструкции (нотной) не заметна. Если-же исполнять песенку на инструменте (даже струнном!), то эта бедность немедленно бросается в.... уши — тем, кто их имеет.

Передайте Катеньке все это, а за всем этим — еще раз большое спасибо за Шумана, которого я хоть и не буду играть публично, но с которым смогу теперь познакомиться для себя.

Дальше. Вы спрашиваете, получили-ли мы Левино письмо (то самое, — „большущее") Да, конечно. И ответили на него, и даже получили ответ на ответ." Видите, как долог „обмен мнений" по какому-нибудь вопросу между нами... На днях опять напишем Леве и пошлем ему наши фотографии.

Но вот на следующий вопрос мне трудно ответить: вы спрашиваете, как устроилось дело с Бэллиным днем рождения? Увы! Во-первых, сама новорожденная не знала точно, когда она родилась. „За 2 недели до Пушкина" — что это за бабушкин счет? Тут-же уравнение со всеми неизвестными, иди решай его! Во-вторых, я органически забываю дни рождения не только чужие но и свои (что и произошло в день моего рождения), а тем более, когда не знаю точной даты. В общем, так и получилось, что этот день затерялся, и только задним числом, по телеграммам из Москвы и из Одессы можно было его „нащупать"... Ко всему этому, я очень малый поклонник „именинных" юбилеев и дней рождения. — Нет, жена оказалась, как видите внимательнее мужа!

Еще вы интересуетесь подробностями наших служебных работ. Как там у Бабеля? „За Ленина — не скажу, а Троцкий — отчаянный сын тамбовского губернатора". Так вот — „за Бэллу не скажу" — она сама напишет. А в кратких словах ответить о себе — могу.

Ваше заключение о том, что с регистрацией, сводками, журналами, обработкой и т.д. я освоился — совершенно правильно. Что-же касается средних максимумов, выводов измерений и т.д., — то и здесь, дорогие, немедленно ответить не имею возможности, т.к. адреса он еще не прислал.

Всем Бэлла еще у вас — горячий привет ей. Мы получили письмо от Ивана, [illegible]

Мемориал

рость зело не велика. На арифмометре я работаю очень быстро: складываю, вычитаю, умножаю и делю, вычисляю проценты, — хотя складывать и вычитать быстрее на счётах, что я и делаю. Но сейчас всё это не центр тяжести моей работы. Помимо информационных докладов центру о работе Окрпахтабирлешика, я время от времени выполняю отдельные задания экономического порядка. Я вам, кажется, писал, что недавно я, по поручению гостивших в Ташаузе властей из центра, разработал в отдельной докладной записке очень интересный вопрос: сравнительная стоимость европейской и туземной обработки 1 гектара хлопковых посевов, и их сравнительная эффективность. Сейчас я занят вопросом о балансе труда по Округу в периоды наибольшей потребности в рабсиле. Вот совсем недавно получил задание: разработать вопрос о системе хлебоснабжения колхозников, — и т.д. и т.п. Но не думайте, что я сижу на „теории"! Совсем наоборот, времени на это не хватает, оперативная работа отнимает большую его часть. Мой „патрон" — зам. пред. — считает меня „универсальным человеком": „обратитесь к Бромбергу, он всё знает"... Хотя теперь, когда работа очень расширилась (с 19.000 гектаров хлопка мы переходим в этом году на 31.000 гектар), и когда штат соответственно разросся — мне уже трудно „всё" знать. Очень жаль, что нет возможности параллельно с работой — читать по этим-же отраслям: времени не хватает.

Ты пишешь, папа, что частенько ищешь имя Ташауза в „Эк. Жизни", но не находишь. Да, мы — самый дальний, самый заброшенный еще угол Туркмении, хотя и самый богатый по возможностям. Пишут о тех округах Средней Азии, которые заслужили себе уже известность: Фергана, Таджикистан, Бухара, Чарджуй и Мерв и т.д. А вот наш „Ташауз" — забывают. Что-же поделаешь! Если интересуешься, я тебе в следующем письме расскажу, что такое Ташаузский Округ, и что такое наш Окрпахтабирлешик (pagta — хлопок, birleşmeq — объединять, все вместе — окружной хлопководческий союз). А пока — буду считать краткое описание своей службы законченным. —

Поговорим теперь о вас. Со времени последнего вашего письма должны были возобновиться взыск

76
05

ванны. Как они помогли, удалось ли их сделать достаточное количество без перерыва? Как протекает специально-сердечное лечение? И как вы себя теперь чувствуете? Подумываете-ли вы о необходимом вам, как воздух, даче на лето? Дорогие мои, может быть у вас есть уже на виду что-нибудь подходящее. Тогда напишите сейчас-же, что необходимо со стороны денежной, чтобы закрепить за собой, — только пишите совершенно без обиняков, прошу вас.

Как у вас, установилась-ли весна? Ах, Одесская весна, холера ей в пуп! Как-бы хотелось хоть глазком на нее взглянуть, — какая она теперь? А акации? А оркестр над лестницей, где Дюк стоит, — играет по вечерам? Да, в Ташаузе тоже весна, и, может быть довольно недурная, но я ее вижу только 4 раза в день: утром и вечером, по дороге на службу и — со службы. Маловато!

Тянут меня тут выступать 3-го мая на концерте. Нет легких нот, приходится комбинировать, и после отсева, остановились мы на: двух отрывках из „Баллады-полонез" Вьетана и на „Мазурке" Венявского. Последние недели две, я играю хоть понемногу каждый день. А в общем — мура, хотелось-бы уже, ой как хотелось бы — послушать хороший квартет, трио, симфонию, оперу... Чорт его знает, когда это будет!

Кстати, на наше заявление ответа еще нет. Однако, это отнюдь не способно сделать его положительным — когда он придет. По-прежнему мы оба убеждены в тщете попыток.

Ну, будьте живы, здоровы, и простите вашего младшего сына за то, что он стал писать сухо и неинтересно, „без выдумки": тому есть причины, а для вашего родительского сердца — они яснее ясного, правда?

Ташауз

Крепко целую Ваш Воля

Доброе утро дорогие! Приписываю несколько слов только (еще чаю не пила, а уже пора на службу), надеюсь, вы простите мне на сей раз. Вот, уже и мне приходится ходить вечером на работу. Устаем мы оба здорово. Ну, ничего. Еще раз простите, дорогие, в след. раз напишу больше. Будьте здоровы и бодры. Крепко [illegible] целую. В/ Бэла

Привет моей мамуле и ост. родным